

Предисловие

Впятнадцать лет я очень сильно влюбился. Настолько сильно, что отступили на второй план все другие привязанности, симпатии и интересы: моя избранница просто вытеснила их из моего сердца, полностью заняв его собой, и я твердо решил связать свою жизнь только с ней.

Моей избранницей стала Церковь. С тех пор и поныне она остается главной любовью моей жизни. Ей я отдал сердце, ей посвятил лучшие годы. И она отблагодарила меня такими щедрыми дарами, о каких я даже и мечтать не мог до того, как встретил ее.

В то время Церковь была не такой, как сейчас. Сегодня о ней говорят, пишут, ее показывают по телевидению, о ней рассуждают в интернете и социальных сетях. А тогда о ней не знал почти никто. Не было ни интернета, ни социальных сетей, были только газеты и несколько государственных телевизионных каналов, но в них Церковь либо полностью отсутствовала, либо о ней гнали.

Сейчас в любом книжном магазине есть отдел «Религия». А тогда религиозной литературы в принципе не было в открытом доступе. В школьных и районных библиотеках непременно присутствовала антирелигиозная литература, но ни Библии, ни Евангелия, ни иной духовной литературы не было. Они, конечно, в небольших количествах печатались — на машинках, на ксерокопировальных аппаратах. Но делалось это тайно, подпольно.

И распространялась такая литература исключительно в «самиздате».

Был еще «тамиздат» — книги, изданные на западе и доставленные нелегально в Советский Союз: в основном Новые Заветы или другие книги зарубежных издательств. Но раздобыть такие книги было еще сложнее, чем самиздатские перепечатки.

Вся гигантская машина государственной пропаганды работала на то, чтобы вложить в умы людей несколько устойчивых стереотипов: 1) религия — это отмирающее явление; 2) в церковь ходят только бабушки; 3) наука доказала, что Бога нет. Тезис о коренном противоречии религии и науки вдалбливался в умы и в школе, и в высших учебных заведениях.

Вся верхушка общества состояла в партии, вся молодежь — в комсомоле, дети среднего школьного возраста были пионерами, а младшего — октябрятами. И на всех уровнях атеистическое мировоззрение было обязательным. Те, кто открыто исповедовал свою веру, были обречены на то, чтобы становиться изгоями в обществе, пронизанном атеистической пропагандой сверху до низу. Чаще же всего верующие просто скрывали свою принадлежность к Церкви, тщательно прятали ее — даже от близких.

В тех условиях найти «дорогу к храму» было непросто. И, тем не менее, в конце 70-х годов происходило, пусть и подспудно, то религиозное возрождение, которое приобрело массовый масштаб в конце 80-х. Это было целое движение, охватившее, прежде всего, читающую и думающую интеллигенцию. К православной вере, как правило, приходили не сразу и не прямо, а окольными путями:

через увлечение различными философскими течениями, альтернативными марксизму-ленинизму, в том числе русской религиозной мыслью. Так пришла к вере моя мама, профессиональный журналист и писатель.

Мне было одиннадцать лет, когда я был крещен. И сразу началась для меня новая жизнь. Это была встреча с таинственным, закрытым, ранее совершенно не известным миром. Стали появляться в моей жизни священнослужители — люди, которые жили в другой реальности. Еще недавно я и не подозревал о существовании этого параллельного мира, и вдруг он не просто вошел в мою жизнь, но стал занимать в ней все более существенное место, отодвигая на второй план остальные увлечения и интересы.

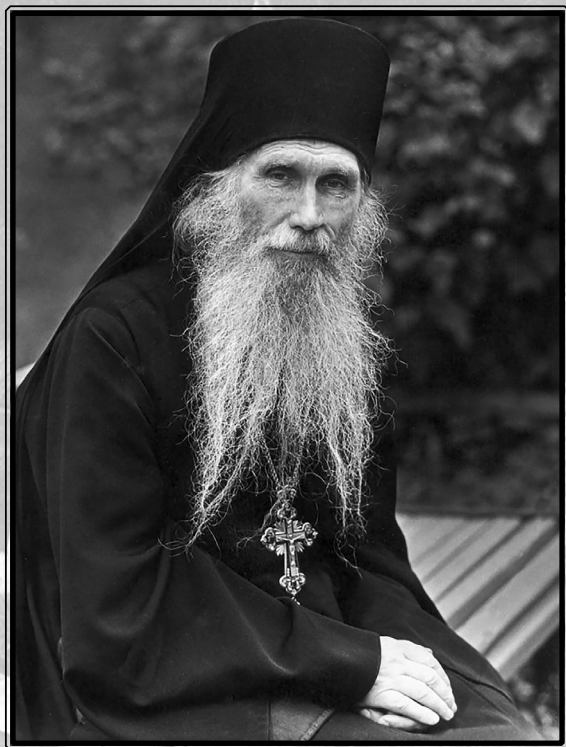
Встреча с Церковью стала главным событием моей жизни. Я учился в музыкальной школе, и предполагалось, что я стану профессиональным музыкантом. Но знакомство с Церковью перевернуло все мои представления о мире и жизни, о настоящем и будущем. К решению посвятить жизнь Церкви, а не музыке меня подвигло, прежде всего, общение со священнослужителями и монахами — теми, кто избрал Церковь своей невестой, решив отдать ей всю жизнь без остатка.

Есть люди, самым присутствием своим на земле свидетельствующие о Царстве Небесном. Таких людей очень немного, и не каждому на своем жизненном пути доводится встретить хотя бы одного. Но если кому посчастливилось такого человека увидеть, память о встречах с ним никогда не изгладится из сердца. Мне посчастливилось встретиться с такими людьми, и о них я хотел бы рассказать в этой книге.

Я не случайно назвал ее «Святые наших дней». Часто думают, что святость — это феномен прошлого, что в наше время быть святым невозможно. Но я своими глазами видел святых, общался с ними. И они будут появляться в книге в том порядке, в каком они появлялись в моей жизни.

Из тех шести людей, о которых пойдет речь, четверо уже причислены к лику святых, двое пока нет. Но для меня все они были и остаются носителями подлинной святости, их имена для меня священны. Встречи с ними определили мой жизненный путь, оставили неизгладимый след в моей душе, во многом сформировали мое мировосприятие. Они были выразителями всего самого светлого, радостного, глубокого и прекрасного, чем мы обладаем в нашей Святой Православной Церкви. Каждый из них нес свое послушание, свой крест и свой подвиг, и ни один не был похож на другого. Но все они были похожи на Христа — такого, каким Он раскрывается нам при чтении Евангелия.

Общение с ними укрепляло во мне желание служить Церкви. Мир, в котором они жили, становился моим миром, и мне хотелось в этом мире остаться. Наверное, мне очень повезло, потому что в юности я почти не встречал в среде священнослужителей отрицательные примеры. А если и встречал, то они не затемняли в моем сознании тот светлый, незамутненный и неземной образ Церкви, который глубоко вошел в мое сердце.

Архимандрит
Кирилл (Павлов)

Троице-Сергиева лавра. 1970-е гг.

В Троице-Сергиеву лавру мы с мамой начали ездить вскоре после моего крещения. Вставать надо было ни свет ни заря, идти до метро по темным московским переулкам, ехать несколько остановок на метро до Ярославского вокзала, потом полтора часа на электричке. От нее идти пешком через унылый советский городок, некогда называвшийся Сергиевым Посадом, а в советское время получивший имя Загорск в честь революционера Загорского.

Внутри лавры атмосфера была совершенно иной, чем в городе. Здесь было красиво, чисто, ухоженно. Вся жизнь лавры подчинялась ритму богослужений. Рано утром совершался братский молебен у мощей преподобного Сергия в Троицком соборе, потом богослужение продолжалось в Трапезном или ином храме. А после богослужения, часов с восьми-девяти утра начинал принимать посетителей духовник лавры архимандрит Кирилл.

Чтобы попасть к нему, надо было прийти затемно. Обычно еще во время братского молебна у ворот, ведущих на территорию, где проживали монахи, начинала собираться толпа, которую потом запускали внутрь. Люди проходили в небольшую прихожую, заваленную коробками с одеждой и продуктами. Там могло одновременно находиться до двадцати человек: кто-то сидел, кто-то стоял. Ожидание иногда длилось долгие часы, так как с каждым батюшка беседовал не спеша. Однажды (это

было 29 октября 1982 года) мы с мамой прождали там десять часов, прежде чем смогли увидеть отца Кирилла на двадцать минут.

Из прихожей — ее называли «посылочной», так как там складывали ящики со всякой всячиной (продуктами, одеждой, обувью, церковной утварью) — дверь вела в небольшую келью, сплошь увешанную иконами. Здесь на стульчике сидел отец Кирилл. Он приветливо встречал каждого посетителя, молился вместе с ним, а потом терпеливо его выслушивал. Отвечая на вопросы, он обычно был очень немногословен. Часто прямо во время беседы углублялся в молитву, а советы давал простые и незатейливые.

Троице-Сергиева лавра. 1970-е гг.

Игумен Кирилл (Павлов) в своей келье. Троице-Сергиева лавра

У него был удивительный взгляд: простой, прямой, мягкий, добрый и кроткий. Весь его иконописный облик свидетельствовал о постоянном присутствии в нем Христа.

Мне было лет двенадцать или тринадцать, когда я впервые увидел отца Кирилла. Мы с мамой приехали к нему не потому, что были какие-то проблемы, требовавшие решения, а просто чтобы увидеть святого человека.

С пятнадцати лет я стал регулярно ездить к нему. Главный вопрос,

который меня в то время интересовал, это как подготовиться к монашеству и священству. К тому времени я уже твердо решил для себя, что хочу посвятить жизнь Церкви. И вот отец Кирилл терпеливо своими кроткими советами готовил меня к этому служению.

Он подарил мне мои первые четки и научил по ним молиться. Произносить Иисусову молитву, говорил он, надо полностью: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго». Стремиться к тому, чтобы произнести большое количество молитв — сто, двести, пятьсот, тысячу — ни в коем случае не следует. «Лучше пять слов сказать умом, чем тьму слов языком», — эти слова

апостола Павла он часто напоминал в связи с Иисусовой молитвой. И советовал произносить по десять-пятнадцать молитв, но не спеша, с вниманием.

Он говорил, что во время молитвы нельзя отвлекаться, а надо всегда иметь Спасителя в сердце. Но как можно не отвлекаться от молитвы? Как бороться с посторонними помыслами? К тому времени я уже был достаточно начитан в аскетической литературе. Читал, например, «Метод священной молитвы и внимания» — сочинение, приписываемое Симеону Новому Богослову, а также другие писания из «Добротолюбия» о методе соединения молитвы с дыханием. Там говорится, что при молитве Иисусовой надо сесть на низкий табурет в темном углу, опустить голову и произносить про себя молитву, часть на вдохе, другую на выдохе, закрыв глаза и направив внимание в сердце.

Отец Кирилл не одобрял этот метод и говорил, что молиться надо просто, не думая о дыхании, а думая о Христе. В молитве, говорил он, не надо искать никаких ощущений, не надо пытаться узреть Божественный Свет, который видел Симеон Новый Богослов, а надо просто беседовать со Христом.

Когда я спрашивал его о молитвенном правиле, он говорил, что нужно утром читать утренние молитвы, а вечером вечерние, но не забывать каждый день читать хотя бы по главе из Апостола и из Евангелия. При этом он всегда напоминал о том, что лучше иметь короткое, но постоянное молитвенное правило, чем длинное, но совершаемое только иногда, под настроение.

Обычно он не отпускал посетителей с пустыми руками. Кто-то уходил от него с иконкой, кто-то с четками, кто-то с книжкой. В наше время всего этого хватает

с избытком, а в те времена каждый такой предмет воспринимался как святыня, как драгоценность. И у отца Кирилла на подоконнике всегда лежал запас таких маленьких подарочков, которые он вручал каждому из приходивших. Еще часть подарков извлекалась из сложенных вдоль стены «посылочной» ящиков, коробок, пакетов и мешков.

То, что особенно привлекало к нему, была его способность любить всех людей. Даром бескорыстной и жертвенной любви к ближнему обладают далеко не все священники и духовники. Отец Кирилл в полной мере обладал этим даром, и любовь его изливалась на всех. Никто не уходил от него не утешенным, не умиротворенным, не окрыленным, не получившим новые силы на продолжение жизненного подвига. И это при том, что отец Кирилл

Игумен Кирилл (Павлов) у мощей прп. Сергия Радонежского.

Фото из архива зрителя Троицкого собора лавры игумена Корнилия (Мороза)

никогда не говорил чего-либо экстраординарного или неожиданного.

Поражала его память. Он, например, помнил, о чем шла речь на предыдущей встрече, даже если она состоялась несколько месяцев назад. За эти месяцы через него прошли тысячи людей, но он всех их носил в памяти, потому что для каждого в его сердце было свое место.

«Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение». Эти слова преподобного Амвросия Оптинского я впервые услышал от отца Кирилла. Они были созвучны его мирному и кроткому внутреннему устроению, его незлобию и простоте.

Архимандрит Кирилл с паломниками. 1990-е гг.

В то же время он с почтением относился к каждому приходившему и общался с ним как бы на равных, будь то пятнадцатилетний школьник или убеленный сединами старец.

Еще одно редкое качество отличало отца Кирилла от многих: смирение. Оно проявлялось в его взгляде, в его походке, жестах, в том, как он разговаривал с людьми. Господь говорил: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим». Эти слова часто вспоминались при общении с отцом Кириллом. Он был кроток и смирен сердцем, и рядом с ним люди успокаивались, обретали внутренний мир и тишину.

Перед уходом в армию я приходил за благословением к отцу Кириллу. В это время советские войска воевали в Афганистане, и угроза попасть туда висела над каждым призывником. Я этого боялся, а еще больше этого боялась мама. Она всех просила молиться обо мне, включая тогдашнего ризничего лавры иеромонаха Варсонофия, ныне митрополита Санкт-Петербургского.

Но отец Кирилл успокаивал, говорил, что все будет хорошо. И по молитвам всех, кто за меня переживал, моя армейская служба прошла благополучно: я служил в военном оркестре пограничных войск на окраине Москвы, в непосредственной близости от дома.

Когда после армии я решил уйти из консерватории и поступить в монастырь, я снова поехал к отцу Кириллу. У меня не было колебаний относительно выбора пути: я твердо знал, что хочу быть священником и монахом. И не было вопроса, куда ехать: Виленский Свято-Духов

Виленский Свято-Духов монастырь. Фото 1970-х гг.

монастырь я хорошо знал, ездил туда еще школьником и поступить хотел именно туда. Отец Кирилл все эти намерения радостно одобрил и благословил меня на монашеский путь. Но мама и тогда сильно за меня переживала. Когда я уже уехал в Литву, она пришла к отцу Кириллу, чтобы поделиться беспокойством о моей судьбе. Ведь неудачно женившись, можно потом развестись и жениться еще раз, а из монашества обратного пути нет. Может быть, не стоит так спешить?

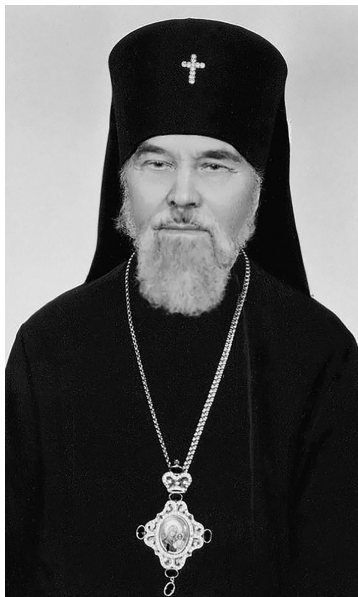
— Если есть призвание к монашеству, не надо откладывать. За чистоту Бог дает благодать, — ответил отец Кирилл.

— Но ведь ему всего двадцать лет. Как угадать, есть призвание или нет?

— А вот если ему в монастыре будет все нравиться, и он будет всем нравиться, значит, там ему и место. А если нет, Бог Сам укажет.

Так все и получилось. Я приехал в монастырь, мне там все нравилось, и все были мне рады. Владыка Викторин, архиепископ Виленский и Литовский, которого я знал еще до армии, встретил меня приветливо, я даже был некоторое время его келейником. И когда полгода спустя меня постригли в монашество и нарекли Иларионом, на душе было радостно и светло. Никаких колебаний или сомнений в правильности выбора у меня не было ни в тот момент, ни впоследствии.

Апостол Павел говорит: «Всегда радуйтесь». И отец Кирилл, каким я его запомнил, всегда был радостным. Говорят, он мог быть и строгим, но я никогда его таким не видел. Он был носителем какой-то особой, внутренней и тихой радости,

Архиепископ Виленский
и Литовский Викторин (Беляев)

которая передавалась через его взгляд, улыбку, через произносимые им очень простые слова.

За все годы нашего общения я не помню, чтобы он сказал что-нибудь яркое или запоминающееся. Смысл общения вообще состоял не в том, чтобы от него что-то услышать. Вполне достаточно было просто посмотреть на него, побыть возле него.

Есть такой рассказ из жизни древнего египетского монашества.

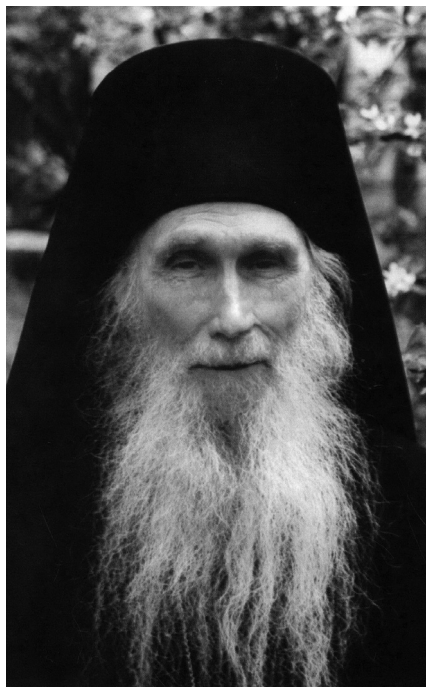
Однажды к преподобному Антонию Великому пришли посетители, и каждый задавал вопросы. А один сидел и молчал. Преподобный говорит ему:

— А что же ты ничего не спрашиваешь?

Тот отвечает:

— Отче, мне достаточно смотреть на тебя.

Что-то похожее я испытывал, когда приезжал к отцу Кириллу. Было совершенно очевидно, что это святой человек, который пребывает в непрестанном присутствии Бога. Его общение с Богом не могли нарушить даже тол-

Архимандрит Кирилл (Павлов)

пы людей, окружавшие его повсюду, суетившиеся вокруг него, когда он шел на службу или возвращался со службы, а потом до позднего вечера сидевшие в его приемной. Его внутренняя молитвенная сосредоточенность без всяких слов передавалась каждому, кто с ним соприкасался.

В те годы я не задумывался о том, как отцу Кириллу удалось достичь святости. Лишь впоследствии я узнал о его жизненном пути, о том, что он был ветераном войны, об испытаниях, выпавших на его долю. Он редко рассказывал о себе, а если его спрашивали, отвечал кратко, не вдаваясь в подробности.

Детство и юность

Иван Дмитриевич Павлов, будущий архимандрит Кирилл, родился 8 октября 1919 года, в день памяти преподобного Сергия Радонежского, в деревне Маковские Выселки Рязанской области.

Своим названием деревня обязана селу Маково, находящемуся от нее в двух километрах. Там до сих пор стоит церковь в честь Рождества Богородицы, которая не закрывалась в советское время. В ней Иван был крещен. А в бывшем имении графа Дмитрия Толстого, известного государственного деятеля эпохи Александра II и Александра III, располагалась начальная школа, куда маленький Иван ходил пешком через лес.

Родители его — Дмитрий Афанасьевич и Прасковья Васильевна — были крестьянами, имели пятерых детей. Вместе с родителями, глубоко верующими людьми,